

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

www.lgz.ru

Основана в 1830 году
при участии А.С. ПУШКИНА
Издание возобновлено
в 1929 году при поддержке
М. ГОРЬКОГО

№ 18–19 (6552)

18–24 мая 2016 г.

Выходит по средам

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА**Олжас Сулейменов: «Мы кочуем навстречу себе...»**

К 80-летию Олжаса Сулейменова в издательстве «Художественная литература» подготовлена книга «Олжас и я». В неё вошли высказывания и размышления государственных и общественных деятелей, представителей научной и творческой элиты, прозаиков и поэтов разных стран о творчестве и личности нашего выдающегося современника. Мы представляем вниманию наших читателей беседу с Олжасом Сулейменовым составителя и автора идеи этого издания Ермека Алданова.

– К моему предложению собрать под одной обложкой хотя бы краткие высказывания о вас некоторых ваших товарищей по цеху, коллег, друзей вы отнеслись весьма сдержанно. Изменилось общество, не те нынче настроения. Привели слова Ионеско: «Литература во всём мире сегодня сильно отстаёт от жизни; мы живём не в литературную, а в политическую эпоху».

– Добавлю, поэты создают не поэмы и повести, а осваивают жанр публицистики. У меня за два-три бурных десятилетия собрались тома газетных статей. Так мы участвуем в продолжающейся перестройке мира, активными актёрами («действующими лицами») которой мы, литераторы, являлись с самого начала. Поэтому я не хотел отвлекать своих коллег от важных дел времени.

– Однако, как видите, на моё обращение откликнулись многие, адреса которых я нашёл, дозвонился. А если было бы побольше времени, я уверен, эта книга не вместила бы высказываний ваших коллег из республик России, ближнего и дальнего зарубежья. Я включил в сборник и мнения ваших ушедших друзей – Андрея Вознесенского, Риммы Казаковой, Константина Симонова, чьё письмо, отправленное вам в сентябре 1975 года, я отыскал в архиве писателя с помощью его дочери и сына.

– Спасибо. Замечательное письмо, полученное очень вовремя, перед самым началом кампании против «Аз и Я». К несчастью, множество и других писем, присланных мне,

не сохранилось. Кочевники не придавали нужного значения собственной истории, даже таким ценным артефактам. Я и в этом отношении настоящий казах, увь. «Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом...» В друзьях, например. Это и есть наша настоящая история.

– Могли бы вспомнить памятные эпизоды, связанные с авторами, высказавшими своё отношение к вам? Их наверняка запомнившиеся?

– Таких эпизодов набралось бы на отдельную книгу, потолок этой. Давно мечтаю начать вспоминать. Вспомнить хотя бы благодарные для литературы и всей культуры 70-е, предразвалы 80-е и 90-е – без точного определения. Наши дни и ночи в этих десятилетиях. Надеюсь в этом году начать хотя бы первый том мемуаров. В нём, конечно, подробно отвечу на заданный вопрос.

– Атмосфера вашей молодости 60-х годов, безусловно, отличалась от нынешнего времени. Как вы чувствовали себя тогда?

– Чувствовал себя полным сил и переполненным надеждами на светлое будущее, как большинство из моего поколения. Как вся наша страна. Весенние 60-е! Первое десятилетие без Сталина. Оттепель. Поэты, киношники первыми ощутили в себе свободу. Стихи! Лучшие рассказы! Лучшие фильмы и спектакли!.. Такого взлёта культуры ещё не было и едва ли повторится. Культура – это настроение общества и показатель его здоровья. На наших глазах и с нашим участием возникла страна Великого Читателя, воспитанного великой ли-

тературой и воспитывающего великие замыслы и свершения. Неумелые революции бьют по культуре – это мы видели и видим.

– Какие проблемы сегодняшнего общества волнуют вас в первую очередь?

– Из нынешней проблематики выберу для ответа одну тему. Литература, естественно. Заботит вопрос: как вернуть книгу современному обществу? Новые поколения формируются телевизором и социальными сетями интернета. В меньшей степени – кинематографом. Наши государства – части Страны Великого Читателя – ныне производят поколения Зрителей и Слушателей, какими были наши предки в Средние века и в доистории. До появления письменной литературы. Со временем отказ детей и юношества от книги отразится на развитии всех наук, экономики, техники и технологий. Неизбежно. Сегодняшние успехи фундаментальных наук воздвигаются ещё на мощном фундаменте, каким была многотысячелетняя Книга. Я не устаю повторять пример из «Комсомольской правды». Берут интервью у выдающегося физика: «Что надо сделать, чтобы школьники лучше усваивали физику и математику?» Учёный отвечает: «Надо увеличить количество уроков литературы». Мировой опыт уже подтверждает точность такого ответа.

Книга должна бы пропитать и полотно экрана. Кому-то из мастеров это удаётся. Я полюбил фильмы Станислава Говорухина давно. А когда встретились вживую, понял, что мы родственники. Слово «брат» настолько истаскали в политическом лексиконе, что надо дать ему время потихоньку восстановиться в исходном значении. Киноязык Говорухина настоян на классической русской литературе – самой совестливой в мире. Что бы он ни снимал – шедевры или проходные вещи, – его экран дышит классикой.

– Что из своего творчества вы любите больше всего?

– «Глиняную книгу».

– Многие читатели называют лучшей вашей книгой «Аз и Я», другим нравится самая первая поэма «Земля, поклонись человеку!». Некоторым, правда, непонятно, как Земля, которую мы все привыкли представлять космическим телом, может поклониться.

– Здесь имеется в виду земля не как физическое тело, земной шар, а в переносном смысле – «мир людей», «человечество».

В апреле 1961 года, когда взлетел первый космонавт и была написана поэма, посвящённая этому событию. Все понимали восторженные газетные сообщения типа «вся земля аплодирует Юрию Гагарину». Если аплодировала – значит, могла и поклониться герою.

– Самые важные уроки, полученные от коллег, друзей?

– Первый учитель каждого – это мама, мать. Сейчас, оглядывая пройденный путь, понимаю, что всю жизнь следую её назиданиям, усвоенным с детства. Первый раз озвучил некоторые из них в стихотворении на своём 40-летию. Отчитался перед матерью, заявив, что не испытал ни к кому зависти и ненависти; никого не предал; всего добивался, не кланяясь никому, а достигнув цели, не возносился. Каждая мать по-своему сформулировала назидания, сообразуясь с религией и национальной традицией. «С гордым будь горд: он не сын Пророка, с вежливым будь вежлив: он не раб твоего отца». Эта древняя мудрость в её изложении стала основой моей личной конституции. Мама меня учила: «Пожми руку каждому, кто здоровается: один из сорока встреченных – посланец Бога». И я не оттолкнул ни одной руки, пожал руку тысячам. Верю, поздоровался со многими посланцами Бога.

Все личности, имена которых вижу в твоей книге, воспитаны матерями, событиями, литературой. Поэтому их оценки доброго и злого в нашей жизни в целом совпадают с моими собственными. Мамы нас учили быть честными, всегда говорить правду. Потом годы светлые и тёмные научили нас понимать, что самая чистая правда – не всегда истина. Не поэтому ли мы часто поступали не так, как велела правда?

Этому и многому другому мы, люди художественного цеха, учились друг у друга. И в советское время, и сейчас.

– Здесь разные суждения о вас. Часть из них не без понятного в подобных случаях юбилейного пафоса. Одни – краткие, другие – пространные, обстоятельные, даже чрезмерно научные. Все вместе они, дополняя друг друга, создают образ чем-то знакомый, а чем-то не знакомый вам. Художники ведь разные, поэтому краски, карандаши разных цветов и оттенков. Мы разместили фамилии авторов в алфавитном порядке, как говорится, от Аз до Я. Начнём читать!

Константин Симонов,
русский советский писатель, поэт, киносценарист,
общественный деятель, Герой Социалистического
Труда, лауреат Ленинской и Сталинских премий,
Государственной премии РСФСР

**Письмо
в поддержку поэта**

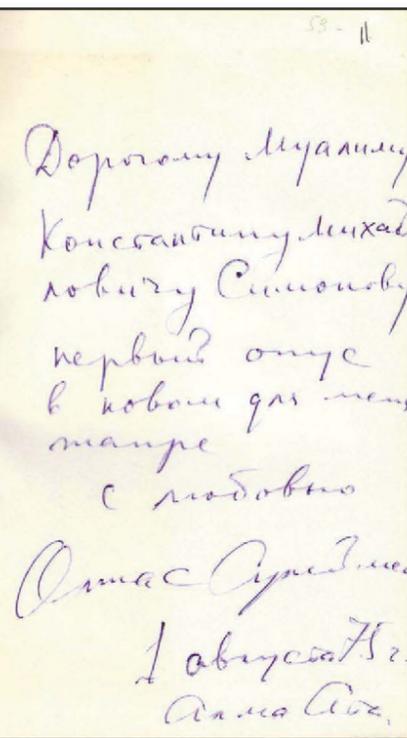
Дорогой Олжас!
«Азию» нашёл у себя на столе в Москве, вернувшись из поездки по Северному морскому пути, и взял с собой сюда, под Сухуми, где и прочёл не быстро, за неделю – быстро эта книга не читается – и с величайшим интересом к книге и уважением к Вам.

Обо многом в книге мне трудно судить с достаточной долей точности хотя бы потому, что я не обладаю тем, чем в совершенстве владеете Вы, тем блестящим двуязычием, которое, будучи приложено к смелому уму и истинному таланту, открывает, как это до предела ясно из Вашей книги, столько возможностей, относящихся и к науке, и к литературе в равной степени.

Язык наших летописей я когда-то, в студенческие годы, более или менее знал – не столько из лекций, сколько просто из терпеливого, параллельного с переводами

чтения. Этим чтением занимался года два. Но оставило оно больший след в сознании, чем в прямой, связанной с языком памяти. В общем, древнеславянского я сейчас не знаю, не помню. Разве что в какой-то мере чувствую. Так что и с этой стороны научная моя компетенция оставляет желать лучшего. Словом, не буду вдаваться в подробности, боясь неточностей и даже благоглупостей. Хочу сказать о том главном впечатлении, которое оставила Ваша книга.

Первое впечатление, как я уже сказал, – впечатление смелости ума. Второе – талантливости находок и догадок, и самих по себе, и того, как о них сказано в книге. Мне всё интересно было в Вашей книге, но всё-таки самое для меня главное в ней – это подход к истории – жёсткий и в то же время

совестливый, в общем-то, что самое главное, справедливый, отмеченный и печатью национальной гордости, и печатью национального самосознания, и печатью того взгляда на вещи, при котором интернационализм и историческая справедливость становятся сино-

нимами в тех случаях, когда взгляд интернационалиста повернут в историю, изобилующую всякого рода национальными осложнениями, с которыми все не стоит даже и пытаться разобраться, если дух интернационализма осеняет тебя только в момент произнесения соответствующих официальных речей или тостов, а в остальное время тебе ни к чему.

Постановка вопроса в Вашей книге, взгляд на историю, которая отнюдь не дышло – куда повернул, туда и вышло, как это некоторые привыкли в наше время считать, – да и не только в наше – давно привыкли, – мне близки и дороги как советскому писателю, как русскому интеллигенту, наконец, просто как человеку, с детства пристрастному к истории своего народа, такой, какая она есть, и со сладким, и с горьким.

Книга Ваша, конечно, как говорится, малость резковатая, но, наверное, она и не могла быть иной, иной бы и не написала. Говорю это просто к тому, чтобы Вы знали, что предвижу вокруг этой книги историко-литературные бои и в случае чего в той

или иной форме готов принять в них участие главным образом по общим принципиальным вопросам, а не по лингвистическим, в которых не сведущ.

Многое из упомянутого Вами в книге в разное время читал. Читал и некоторые из наиболее поздних сочинений, посвящённых теме Русь, степь и старина – в издании «Слова о полку Игореве», имея в виду Гумилёва и Зимина. Так что, в общем, памятуя об этом, могу себе представить разворот, быть может, предстоящих Вам баталий.

Крепко жму руку.
Ваш К. Симонов.
1975, сентябрь.

Константин СИМОНОВ

Страна моя родимая,
Такие мы нерадивые,
Как будто ты не родимая,
Мы в поисках за правдой
Всё где-то за Непрядвою,
За Калкой, за Каялой...
А рядом пруд стоялый,
Пруд кривды современной,
Вот так, брат Сулейменов!
Спасибо, что напомнили,
Дай бог, чтоб верно поняли! –
Не потащив на плаху
От имени Аллаха!

(Публикуется впервые)

Все материалы Константина Симонова любезно предоставлены дочерью писателя Е.К. Симоновой-Гудзенко и сыном писателя А.К. Симоновым.